

Федор Александрович Головин:

«Я старался верить и верил, что народ по природе мудр и способен к участию в государственном строительстве...»

Федор Гайда

Московскому земцу Федору Александровичу Головину (1867–1937), чьи высокие человеческие качества ни у кого не вызывали сомнения, выпала доля стать председателем второго русского парламента – наиболее радикального за всю историю дореволюционной Думы. Это нелегкое испытание Головин принял и выдержал с честью.

Федор Головин родился 21 декабря 1867 года в Москве, в известной и старинной дворянской семье. Его отец, Александр Павлович (1808–1874), вел свой род от византийского аристократического рода Гаврасов, известного с X века. Один из младших представителей рода в 1393 году перебрался в Москву и положил основание купеческому роду Ховриных – потомственных казначеев великокняжеской семьи, основателей Симонова монастыря. От Ховриных произошли Третьяковы и Головины, которые уже в XVI веке получали чины бояр и окольничих.

Семья имела значительные земельные владения: Головин унаследовал 1126 десятин земли в Московской, Рязанской, Владимирской и Тульской губерниях. Престарелый отец скончался, когда Федору еще не исполнилось и семи лет. О своих ранних годах, проведенных в родовом поместье Деденево (ныне – поселок городского типа в Дмитровском районе Московской области), он вспоминал так: «Детство, отрочество и раннюю юность я проводил в нашей семье, которая жила очень уединенно. У нас было мало знакомых, почти никого родных. Я боялся людей, был застенчив до крайности, краснел до слез часто без причины, боялся говорить в обществе и даже в своей семье, за что и получил прозвище “лицо без речей”». Тем не менее, Головин окончил курс университетского отделения московского Лицея цесаревича Николая, а в 1891 году после экзамена получил диплом

юридического факультета Московского университета. Федор Александрович был женат и имел в браке сына и двух дочерей.

В 1893 году Головин был избран мировым судьей и гласным Дмитровского уездного земства. О своей земской деятельности он писал: «Я сразу попал в председатели всевозможных уездных учреждений, совершенно не знакомый с местными деятелями и даже с порядком и техникой ведения заседаний... Я купил себе книгу “Памятная книга для уездного предводителя дворянства”, сочинение князя Трубецкого, и по ней стал готовиться к каждому заседанию, на котором должен был председательствовать, а также постарался узнать, что мог, от старого нашего предводителя П.В. Бахметьева, как следует себя держать на заседаниях и как их вести. Эти несколько месяцев, что мне пришлось стоять во главе уезда, были для меня мучительны. Я должен был употребить большие усилия воли, чтобы побороть свою конфузливость и не теряться на заседаниях. Эта нравственная операция была мучительна, но зато исцелила меня от конфузливости. После этого искуса я говорил близким мне людям, что я теперь решился бы председательствовать на каком угодно собрании, “хотя бы в Государственном совете”».

Уже в 1896 году Головин стал гласным Московского губернского земства и секретарем губернского земского собрания. В 1898 году его избрали членом Московской губернской земской управы и заведующим ее страховым отделом. В московском губернном земстве Головин вошел в круг сторонников радикально-либеральных преобразований, что впоследствии и определило его судьбу. Федор Александрович принял участие в деятельности кружка «Беседа», подружился с С.А. Муромцевым, И.И. Петрункевичем, кн. С.Н. Трубецким, а затем стал членом «Союза освобождения». Головин участвовал в общеземском съезде, состоявшемся 23–25 мая 1902 года, а также в совещании земских деятелей 24–25 апреля 1903 года.

В начавшейся политической борьбе Федор Александрович сразу показал себя надежным товарищем и исполнительным соратником. В 1902

году его избрали председателем бюро земских и городских съездов, в 1904 году – председателем Московской губернской земской управы. Эти обязанности Головин исполнял до 1907 года. Но, как отмечал В.А. Маклаков, для всех Головин был лишь «дублером» прежнего председателя – Д.Н. Шипова. При всей обходительности и понятливости, Федору Александровичу явно недоставало организаторских талантов. Московский губернатор В.Ф. Джунковский вспоминал о Головине: «Не могу сказать, что мне было с ним очень трудно; нет, Ф.А. Головин был всегда очень корректен и благороден, и с ним всегда можно было сговориться. Но служащих губернского земства он невольно распустил, так как не считал себя вправе вмешиваться в их политические взгляды, проявляемые ими не только на словах, но и на деле, он этим самым поощрял их в политиканстве в ущерб делам».

На общеземском съезде 6–9 ноября 1904 года Головин был одним из секретарей, вошел в состав радикального большинства, скрепил своей подписью общеполитическую резолюцию съезда. В июне 1905 года Федору Александровичу довелось участвовать в депутации земцев к императору Николаю II. Реакцию монарха на требования делегации он оценил так: «Обычная политика Николая II – политика уклончивости и нерешительности». Сразу после этого Головин стал одним из основных организаторов Общероссийского съезда земско-городских деятелей 6–8 июля 1905 года, созванного в Москве для обсуждения проекта «булыгинской Думы», и отказался выполнить предписание московского генерал-губернатора о недопустимости созыва съезда. В частном разговоре с московским губернатором Г. Кристи Головин отменил его опасения «насчет намерения съезда объявить себя учредительным собранием, избрать временное правительство и т.п.», но отметил: «Борьба правительства с таким съездом, как наш, бесплодна». Федор Александрович открыл заседания съезда и был избран товарищем его председателя. 3 августа члены Московской губернской земской управы во главе с Головиным

демонстративно не явились на представление новому московскому генерал-губернатору П.П. Дурново.

Головин избирался председателем бюро Общероссийских съездов земских и городских деятелей 12–15 сентября и 6–13 ноября 1905 года в Москве, а также товарищем председателей этих съездов. На открытии ноябрьского съезда Федор Александрович резонно отметил, что ноябрьский съезд 1904 года положил начало всем революционным событиям в России. По поводу Манифеста 17 октября Головин заявил: «Правительство сделало старую ошибку: дало стране не все, что страна требует. Естественно, что вместо успокоения наступила анархия». Вместе с тем, Головин отвергал позицию одного из лидеров умеренного меньшинства съезда А.И. Гучкова: «Гучков нас запугивает, что мы идем к анархии, диктатуре. Напротив, Гучков и его единомышленники ведут нас к анархии и диктатуре». В результате, Головин вместе с большинством съезда проголосовал за резолюцию о необходимости скорейшего созыва Учредительного собрания.

Федор Александрович стал одним из организаторов Конституционно-демократической партии. Он активно участвовал в переговорах кадетского руководства с правительством в октябре 1905 года о создании конституционного кабинета министров. На III съезде партии 21–25 апреля 1906 года Головин был избран в ЦК, а также возглавлял Московский губернский комитет кадетов. Однако среди более ярких соратников Головин обычно терялся. Хотя он регулярно присутствовал на заседаниях ЦК, но активного участия в прениях, как правило, не принимал. Лишь 6 мая 1906 года Головин вынес на рассмотрение ЦК собственную инициативу возбудить в бюро Общероссийских съездов земских и городских деятелей подготовку реформы земского и городского самоуправления.

Шанс отличиться представился в 1907 году. После подписания Выборгского воззвания весь цвет кадетской партии (за исключением П.Н. Милюкова, который составил воззвание, но не подписал, не будучи депутатом Думы) был по суду лишен избирательных прав и не мог

баллотироваться на выборах. В результате, партия выдвинула все имевшиеся резервы: Головин был избран депутатом II Думы от Московской губернии. Сразу после открытия заседаний 20 февраля 1907 года Федор Александрович 356 голосами против 102 был избран председателем Думы. Головин без промедления продемонстрировал свое стремление действовать последовательно, но осторожно. В речи при вступлении в должность он указал: «Несмотря на различные мнения, нас разделяющие, нас объединяет великая цель – осуществление на почве конституционной работы блага страны. Стремясь к беспристрастному ведению прений и к охране свободы слова, я почту своим долгом неуклонно заботиться и о поддержании достоинства Думы. Мы все хорошо знаем, с каким нетерпением ожидает наша страна от Государственной думы облегчения своих тяжелых страданий. Прямой путь к осуществлению этой трудной задачи намечен Первой Государственной думой. Он останется таким же и в настоящее время. Проведение в жизнь конституционных начал, возвещенных манифестом 17 октября, и осуществление социального законодательства – таковы две великие задачи, поставленные на очередь Первой Государственной думой. Сделаем все, чтобы они были осуществлены Второй Государственной думой. Могуче народное представительство! Раз вызванное к жизни, оно не умрет. В единении с Монархом, оно неудержимо проявит и проведет в жизнь волю и мысль народа».

Левые депутаты были недовольны такими словами. Сам Головин вспоминал: «Первая встреча моя с Думою 20 февраля, когда я говорил свою речь после избрания меня председателем Думы, хотя и прошла внешне очень благоприятно для меня, хотя и большая часть прессы также сочувственно откликнулась на мое первое выступление, всё же... я почувствовал таящуюся в думе страстность, а также и глубокую ненависть к Партии народной свободы, а, следовательно, и ко мне, как одному из ее членов, со стороны крайних левых и крайних правых».

Состав II Думы был крайне пестрым и конструктивной работы не обещал. Лишь 38 % депутатов имели высшее образование, а 41 % – низшее, домашнее или были вовсе неграмотными. Только 6 % ранее входили в состав I Думы. Большинство депутатов нового созыва принадлежали к левому и правому крыльям, а кадетский центр составлял менее пятой части членов. О составе Думы Головин вспоминал так: «Хотя мне, как председателю Думы, очень хотелось бы установить, что впечатление от личного состава Думы получалось хорошее, но, желая быть правдивым и искренним, я принужден отметить как раз обратное. Так, левое крыло думы невольно поражало зрителя множеством слишком молодых для ответственного дела народного представительства лиц и при этом неинтеллигентных. На фоне этой некультурной левой молодежи редкими пятнами выделялись серьезные умные лица некоторых образованных народных социалистов, социалистов-революционеров, двух-трех трудовиков и стольких же социал-демократов. Но, повторяю, общая масса левых отличалась тупым самомнением опьяневшей от недавнего неожиданного успеха необразованной и озлобленной молодежи. Всё же вера в непогрешимость проповедуемых ими идей и несомненная бескорыстность и готовность к самопожертвованию ради торжества их принципов возбуждали симпатию к ним объективного и беспристрастного наблюдателя. Не такое чувство возникало при взгляде на правое крыло думы. Здесь, прежде всего, бросались в глаза лукавые физиономии епископов и священников, злобные лица крайних реакционеров из крупных землевладельцев-дворян, бывших земских начальников и иных чиновников, мечтавших о губернаторстве или вице-губернаторстве, ненавидевших Думу, грозившую их материальному благосостоянию и их привилегированному положению в обществе, и с первых же дней старавшихся уронить ее достоинство, добиться ее роспуска, мешавших ее работе и не скрывавших даже своей радости при ее неудачах. На это крыло, шумевшее, гоготавшее, кривлявшееся, было противно смотреть, как на уродливое явление: народные представители, не признающие и глумящиеся

над народным представительством! Сжатый этими двумя буйными и сильными крыльями, имеющий большинство в Думе лишь от присоединения к центру то левого, то правого крыла, сам по себе бессильный центр, стремящийся к законодательной работе на строго конституционных основах с товарищами налево, желающими использовать думскую трибуну лишь для пропаганды своих крайних учений, с господами направо, провоцирующими Думу на путь пустых деклараций и скандалов, этот центр вызывал в зрителе и сожаление, и уважение перед его стойкостью, выдержанностью и политической воспитанностью».

Депутаты в долгу перед своим Председателем не остались. Епископ Евлогий (Георгиевский), входивший в правую фракцию с «лукавыми физиономиями», говорил хозяйке консервативного салона Александре Богданович: «Господь, когда хочет наказать отнимает разум, и вот Дума сама у себя отняла разум, избрав такого председателя, как Головин». А на Высочайшем приеме члены Государственного совета и сенаторы, по свидетельству Богданович, громко кричали вслед председателю Думы «каналья» и «мерзавец».

О родной кадетской фракции Федор Александрович писал: «Во Вторую думу в большинстве попали “*Diī minores*” [младшие боги (лат.)] этой партии. Сливки ее красовались в Первой думе, но, привлеченные к суду за так называемое “Выборгское воззвание”, были лишены избирательных прав и остались за стенами Таврического дворца. Конечно, это не помешало их главарям принимать самое деятельное участие во фракционной работе и таким путем благотворно влиять на ход думских дел. Но двое–трое из хорошо знакомых русскому образованному обществу главарей к.-д. сидели на скамьях членов Думы; другие же, бывшие члены Первой думы, занимали места для публики и с болью в сердце наблюдали за всеми трагическими перипетиями агонии народного представительства, явно обреченного на преждевременную гибель».

Как известно, II Дума, ни в силу самого своего состава, ни по краткости срока, так и не смогла развернуть законодательной деятельности. По поводу оглашенного в Думе социалистического проекта аграрной реформы Головин замечал: «Что-то стихийно грубое, безнадежное, невежественное чувствовалось в речах подобных ораторов и, вызывая аплодисменты значительного числа членов Думы, заставляло с глубокой печалью и тревогой задуматься над вопросом, может ли законодательствовать эта Дума? Будет ли иметь достаточно силы центр Думы, чтобы справиться со стихийным хаосом на левом и со злорадным издевательством на правом крыле Думы? Да, горькую чашу судьба предложила выпить конституционному центру Второй думы и ее несчастному председателю. Но не только мысль о грустной судьбе Думы второго созыва волновала меня при выслушивании некоторых грубых и невежественных ораторов из крестьян. Невольно в душу закрадывалось гнетущее сомнение о подготовленности многомиллионной крестьянской массы к участию в государственной работе и к освобождению от опеки чиновничества. Что даст всеобщее избирательное право, если оно будет применено при выборах в земские учреждения и в парламент? Не повлечет ли эта реформа гибель государственности, не вызовет ли она к жизни стихийно-анархические течения стенькоразинского характера в народе? Неужели чаяния идеалистов-народников – ошибочные мечты?! Нет, мне не хотелось так думать. Я гнал от себя эти опасения, я старался верить и верил, что народ, хотя и невежественный в своей массе, но по природе мудр и способен к участию в государственном строительстве».

В качестве думского председателя, Головин постоянно вызывал недовольство левого и правого крыльев парламента и не всегда мог быстро разрешить часто возникавшие в палате конфликты. О своем председательствовании Головин свидетельствовал: «Хотя мне не раз приходилось председательствовать в самых разнообразных заседаниях, но всё же все эти председательствования не могут идти в сравнение с председательствованием в Думе... Нервы напряжены до крайности, каждую

минуту ждешь сюрприза от левых или правых, следишь за каждым своим словом и жестом, за всеми членами Думы, слушаешь оратора, угадываешь настроение Думы, с тревогой следишь за тем, как она реагирует на отдельные мысли и выражения оратора, как реагирует на них министерство, вспоминаешь наказ, вернее обрывки наказа, которые успела выработать Первая дума, которыми руководствуешься в Думе, хотя наказ этот и не принят Думой во всех его частях».

О роли Головина, как думского председателя, его партийные соратники отзывались в целом благосклонно. Присутствовавшая на думском балконе и наблюдавшая заседания Екатерина Кизеветтер (жена депутата-кадета А.А. Кизеветтера) в своем дневнике оставила такую запись: «На меня лично Головин производит очень хорошее впечатление. Я не могу разбираться в юридических тонкостях, в деталях..., но непосредственное впечатление от председательствования благоприятное. Всегда ровный, бесстрастный, равно беспристрастный и к правым, и к левым, стойкий в своих требованиях Головин, мне кажется, импонирует Думе. На всей его фигуре, сухой и корректной, лежит отпечаток благородства и выдержанности».

Кадеты в своих воспоминаниях были более критичны. Василий Маклаков писал: «Ничего дурного про него никто сказать бы не мог. Он был “джентльмен”, глубоко порядочный, с определенными взглядами. Но по сравнению с С.А. Муромцевым он был бесцветен». По мнению Маклакова, Головин в целом не справился со своими обязанностями. Другой член кадетского ЦК, Ариадна Тыркова-Вильямс, вспоминала: «Он честно старался продолжать традицию Муромцева, подражал ему по мере сил. Но это ему плохо удавалось... Головина природа не одарила ни внешними данными, ни острым умом Муромцева... У Головина наружность была коварная, подстрекательная карикатуристов. Голова у него была яйцевидная, совершенно голая. Подбородок резко выдавался вперед. Усы, как прутьики, торчали кверху. Юмористы любили изображать председательские усы в виде стрел,

направленных то вправо, против ложи министров, то влево, против чрезмерно разбушевавшихся ораторов».

16 апреля 1907 года социал-демократ А.Г. Зурабов в своей речи высказал уверенность, что российская армия способна воевать лишь с «внутренним врагом» и обречена на поражения в столкновениях с внешним, за что председательствовавший Головин лишил его слова, но не поставил вопроса об удалении депутата. Это вызвало сильное раздражение против Председателя на правом фланге Думы, а также в правительственных кругах; Головин вынужден был извиняться перед военным министром и на следующем думском заседании выразил протест против оскорблений в адрес армии, однако это в свою очередь вызвало резкое неприятие левых.

Еще в конце марта Головин, как Председатель Думы, отверг запрос премьера П.А. Столыпина о присутствии на заседаниях думских комиссий «сведущих лиц», не являвшихся членами Думы. Основание было чисто формальным: правительство не имело права запроса Думе. Столыпин Головин считал «типичным временщиком», его политику в отношении II Думы оценивал как политику мелочных придирок. «Губернатор, но не премьер и не министр внутренних дел», – так оценил Столыпин Головин после первой с ним встречи.

Будучи Председателем Думы, Головин несколько раз имел аудиенцию у Николая II и в 1912 году описал эти встречи в своих «Записках» (опубликованных в советское время в «Красном архиве»). По мнению Федора Александровича, император не являлся марионеткой в чьих-либо руках: «Умом не блещет, не обладает и сильною волею, мало, по-видимому, и подготовлен к выполнению трудной задачи, выпавшей на его долю, но все же считать его за ничтожество, которое действует не по собственной воле и не по своему разумению, было бы неправильно». Хитрый и двуличный, монарх склонен был, по мнению Головина, перекладывать собственную вину и ответственность на других; наивность его была притворна и он «подчас злобно издевается над обществом», но «живет в вечном страхе» и предается

мистическим переживаниям. Головин приходил к такому выводу: «Николай II – плохая копия дурных свойств Александра I». Следует сказать, что ответные чувства были более резкими. «Одно впечатление мое, что он – une nullite complete! [полное ничтожество (франц.)]» – характеристика, данная царем в письме матери после представления ему Головина.

3 июня 1907 года, после 102 дней бесплодных усилий, Дума была распущена, а избирательный закон изменен в одностороннем порядке. Первая русская революция завершилась. Той же осенью Головин был вновь избран депутатом Государственной Думы от Москвы. На выборах председателя он получил лишь один голос. Однако особой роли в работе III Думы он не сыграл и часто отсутствовал на заседаниях. Определенную активность Головин проявил лишь в крестьянском вопросе: будучи членом думской крестьянской комиссии, он выступал противником столыпинской аграрной реформы. 7 мая 1910 года Головин также произнес речь против перехода к постатейному обсуждению правительственного законопроекта о земстве в западных губерниях, отметив, что принципы новоучреждаемого земства противоречат принципам Манифеста 17 октября и приведут к межнациональной русско-польской вражде. Дума, как известно, поддержала и столыпинскую аграрную реформу, и западное земство. Между тем, репутация Головина в правых кругах III Думы была такова, что они, по зафиксированным А. Богданович слухам, даже хотели голосовать за его избрание Председателем палаты, чтобы спровоцировать ее роспуск: «ведь с таким председателем, как Головин, царь говорить не будет».

7 октября 1910 года Головин произнес оппозиционную речь на похоронах С.А. Муромцева. Однако к тому времени Федор Александрович уже принял решение покинуть политическую стезю. В том же месяце, в связи с получением железнодорожной концессии, он добровольно сложил депутатские полномочия. Центральному комитету партии Головин сообщил, что этот шаг был вызван «исключительно личными делами». Уйдя с политической сцены, Федор Александрович не отказывался от своих

взглядов и не прекращал общественной деятельности. В октябре 1909 года он был забаллотирован на выборах гласных губернского земства по родному Дмитровскому уезду, но прошел по Бронницкому.

В 1912 году Головина избрали городским головой Баку, однако он не был утвержден в должности кавказским наместником из-за принадлежности к кадетской партии. 20 января 1913 года на заседании кадетского ЦК, в связи с ожидавшимся посещением императором Москвы, Федор Александрович предложил инициировать обращение о политической амнистии.

Головин также принял участие и в масонской деятельности. В 1908 году он был избран в Верховный совет русского масонства, затем стал членом Верховного совета «Великого Востока народов России». В 1912, 1913 и 1916 годах Головин принимал участие в масонских конвентах. Первый из них частично проходил на квартире Головина на Страстном бульваре в Москве.

В период Первой мировой войны Федор Александрович являлся активным деятелем Всероссийского союза городов. Наряду с этим, он выступил одним из организаторов и участников общества «Кооперация», в январе 1916 году стал членом его Совета. Головин также был председателем Общества помощи жертвам войны и председателем правления Московского народного банка. Супруга Головина, Елена Васильевна, устроила в родовом поместье госпиталь для раненых, находившийся у железнодорожной станции Влахернская (ныне – ст. Турист Савеловского направления).

19 и 20 февраля 1916 года Федор Александрович был избран председательствующим на заседании VI съезда кадетской партии. 21 февраля он баллотировался на выборах товарища председателя ЦК, но не прошел (избраны были Н.М. Кишкин, кн. Д.И. Шаховской, кн. П.Д. Долгоруков, М.М. Винавер). Головин поддерживал курс, проводимый П.Н. Милюковым, был сторонником сохранения Прогрессивного блока. 13 декабря 1916 года, на заседании кадетского ЦК, Головин выступил против неподчинения Думы возможному указу о перерыве в ее деятельности.

После победы Февральской революции, 2 марта 1917 года Головин был назначен комиссаром Временного правительства над бывшим Министерством императорского двора и уделов. В ведении Федора Александровича оказались все императорские театры, музеи и целый ряд иных учреждений. Однако в их деятельность он фактически не вмешивался. В марте, по инициативе Головина, было учреждено Особое совещание по делам искусств с участием общественных и политических деятелей (в том числе членов Петросовета). Деятельность совещания выразилась в организации мер по охране памятников культуры. Головин также непосредственно участвовал в определении личного имущества, которое сохранялось за царской семьей после ее ареста. Подобный вопрос также встал и в отношении иных представителей династии. 20 октября 1917 года Временное правительство создало Комиссию по разграничению государственного и лично принадлежащего бывшей императорской семье имущества, председателем которой стал Головин. Приступить к работе комиссия не успела. Через пять дней к власти пришло иное правительство, которое уже приступило к всероссийскому разграничению имущества, в том числе и принадлежавшего самому Головину.

Взгляды Головина в 1917 году эволюционировали так, как это в целом было свойственно представителям кадетской партии. Будучи бывшим председателем II Думы, Головин стал участником Государственного совещания 12–15 августа 1917 года. 14 августа Федор Александрович выступил на совещании с речью. Цитируя произнесенную при открытии совещания речь министра-председателя А.Ф. Керенского о «смертельной опасности», создавшейся для государства, Головин заявлял: «Картина, нарисованная нашими министрами, поистине страшна... Думаю, что требованием, которое может быть предъявлено правительству со стороны решительно всех слоев русского общества, без различия партий и убеждений, является требование, чтобы правительство обладало полнотой власти, чтобы оно было сильно, чтобы его воля проявлялась и осуществлялась в жизнь без

каких-либо задержек». Подобные соображения резко контрастировали с позицией Головина в период Первой русской революции. Это особенно заметно в связи с изменением оценки деятельности П.А. Столыпина. Головин сравнивал эмоциональную речь Керенского с полной спокойствия речью Столыпина, произнесенной во II Государственной думе и обращенной к левым, которую тот закончил фразой «не запугаете», и признавал превосходство Столыпина, которого ранее резко критиковал: «Тогда Столыпин был действительно сила физическая».

Вместе с тем, Головин не предлагал никаких конкретных мер по усилению государственной власти. Наоборот, он даже выражал «некоторые сомнения» в реанимации в июле 1917 года таких способов восстановления порядка, как ужесточение дисциплины в армии и административная высылка без суда. Временное правительство – «правительство государства свободного, правового» – могло, по мнению Головина, действовать и по-иному. «Только при полном доверии Временному правительству со стороны народа оно будет сильным, оно будет в состоянии осуществлять те великие задачи, которые возложила на него история... Правительственная власть получила свои полномочия и свои силы от коалиции двух революционных сил: народного представительства и широких масс демократии. В этой коалиции есть одновременно и сила и слабость правительственной власти настоящего состава. Коалиционность является силой, как нечто объединяющее живые силы страны в момент государственной опасности. Но эта коалиция будет силой только тогда, когда она явится коалицией не только по форме, но и по существу», – заключил Головин.

Федор Александрович был избран делегатом IX съезда кадетской партии (23–28 июля 1917 года), а также, наряду с кн. П.Д. Долгоруковым, председателем на X (последнем) съезде партии (14–16 октября 1917 года), состоял членом комиссии кадетского ЦК по подготовке выборов в Учредительное собрание. Головин поддержал забастовку театров в знак протеста против Октябрьского переворота, а затем отказался передать дела

представителям советской власти и сотрудничать с ними. Федор Александрович был выдвинут кандидатом в члены Всероссийского Учредительного собрания от Москвы, Уфимской и Пензенской губерний, но избран не был. Кадеты получили лишь 15 мест, а принять участие в работе Собрания им вообще было не суждено.

В 1918 году Головин стал управляющим финансово-счетной частью сельскохозяйственного отдела Центрального союза потребительских обществ (Центросоюза). Он вызывался в ЧК для дачи показаний и был освобожден под подписку о невыезде. В июле–августе 1921 года Головин вошел в состав Всероссийского комитета помощи голодающим (Помгола). 27 августа он был арестован наряду с другими членами Помгола. Предчувствуя арест, Федор Александрович явился на последнее заседание в своем лучшем костюме и после ареста был совершенно невозмутим. Писатель Б.К. Зайцев, также арестованный и доставленный на Лубянку, вспоминал: «Через полчаса по прибытии, когда другие еще горячились, расходовали подожденную нервную энергию, Федор Александрович уже сел играть с черно-мрачным и так же равнодушным Кутлером. Откуда они добыли шахматы, я не помню: кажется, тут же и смастерили из картона. Впрочем, игра продолжалась недолго: нас повели в еще новое помещение. Ф.А. равнодушно забрал фигурки, записал положение и в своем элегантном костюме, белых брюках, с шахматами под мышкой зашагал по застеночным коридорам». После отбоя, по свидетельству Зайцева, Головин сразу уснул: «Он лежал на спине. На его правильном, лысом черепе блестел, как на слоновой кости, луч электричества. Руки аккуратно сложены накрест, белые брюки в складке, желтые ботинки, воротнички даже не расстегнуты. Он и позже спал всегда в полном параде. Объяснял так, что если ночью позовут на допрос или расстрел, то нельзя выходить на такое дело не в порядке...»

17 сентября 1921 года Головин был освобожден и впоследствии работал в советских учреждениях. В 1937 году он был арестован как «активный сектант, ведущий контрреволюционную агитацию фашистского

характера», который «неоднократно возводил клевету на Советскую власть о якобы преследования с ее стороны религиозных убеждений». 21 ноября, по решению «тройки» УНКВД Московской области «по обвинению в принадлежности к антисоветской организации», он был приговорен к расстрелу и 10 декабря 1937 года расстрелян на печально известном Бутовском полигоне под Москвой. В 1989 году Федор Александрович Головин был посмертно реабилитирован.